

Алина Пулкова

Маргарита навсегда

Рассказ

Актриса сидела передо мной в кресле с томиком Дидро в полной руке. Когда-то она весила сорок семь килограммов и жила в Киеве, где играла Маргариту, ту Маргариту, которую желал совершенно гениальный режиссер, над которой плакал, пересматривая записи спектаклей киевской экспериментальной труппы. Маргарита согласилась переехать в Москву. Репетиции шли, но спектакль не клеился. Режиссер нервничал и менял мизансцены — Маргарита не так садилась, не так вставала, подмостки под ее шагами издавали не тот скрип, который слышался режиссеру. Чтобы избежать провала, дебютантку решено было заменить. Юную Маргариту принесли в жертву великому Гёте, которую тот переварил, как опытный, жадный удав, и «Фаусту»-таки достался сколько-нибудь заметный успех. О несчастливой же, хоть и талантливой молодой актрисе никто и не вспомнил.

У Маргариты болели зубы. Темное пятно на эмали крупных, белых, из-за неточности прикуса выступавших вперед верхних резцах, которое она по наивности считала родимым пятном, обернулось кариесом, грозившим перейти в пульпит.

— Тебе нужно к стоматологу. Высверлить и поставить пломбу, — повторила я ей, наверное, в десятый раз.

— У меня нет денег! У меня нет медицинского полиса! Я боюсь врачей!

Маргарита уткнулась лицом в Дидро и заплакала.

— Завтра придут деньги. Пятнадцатое число завтра.

Маргарита замолчала. Вопрос о деньгах занимал ее так же живо, как вопрос о природе актерского мастерства. Конечно же, как она могла забыть?

А это означает, что еще до первой лекции я приеду на вокзал, чтобы вместе с актрисой разыскать проводницу ночного поезда. Через нее мама Маргариты переправляла коробку с копченой колбасой, брусками сала с чесноком, укутанными в марлю, замороженными окорочками, макаронами и консервированной черемшой. Между слоями сала мама хитро, заворачивая купюры в полиэтилен, прятала доллары. Когда Маргарита вынимала жирные, с колючками крупной поваренной соли пакетики с деньгами, непременно упрекала мать в излишнем практицизме: «По номиналу разобрала!» Коробка приходила раз в месяц.

Актриса плохо ориентируется в городе. Актриса опасается мостов. Актриса безнадежно влюблена в актера-гомосексуалиста. Еще она боится проснуться и понять, что уже давно стала «бывшей».

Алина Пулкова родилась в поселке Луковецкий Холмогорского района Архангельской области. Окончила Московскую медицинскую академию им. Сеченова. Рассказы публиковались в сборнике «Москва и Петербург — как мы их не знаем» и журнале «Кольцо А». Участник семинара прозы Совещания молодых писателей СПМ и семинара прозы при фонде «Русский текст». Живет в Кронштадте.

— Выпей, пожалуйста, обезболивающее, — я протянула Маргарите пачку с таблетками. Сегодня, как и вчера, как и на прошлой неделе, мы идем в театр.

Обычно деньги, полученные от матери, Маргарита тратила на оплату съемной комнаты, счета мобильного телефона и на покупку билетов на спектакли. Она нигде не работает, поздно встает, много читает, курит, ест жареную на сале картошку или макароны. Ее жизнь — это театр, а театр — в Москве.

Цены на премьеры не то что кусаются, они отгрызают большую часть присланных Маргарите долларов. Поэтому колебания курса заботили ее. Самый выгодный обменный пункт — в переходе под Арбатской площадью. Так что после вокзала — туда. Потом — в театральные кассы.

На все денег не хватало, а чтобы иметь внятное представление о театральном процессе, нужно посещать спектакли не по одному разу. Поэтому Маргарита заводила важные знакомства. Но не среди «звезд» театра, как можно было подумать. Ее друзьями становились вахтеры, гардеробщицы, контролерши, администраторы, осветители, гримерши, костюмеры, студенты театральных училищ и участницы фанатских клубов популярных артистов, из числа тех, кого актеры знают в лицо и от кого получают букеты с записочками.

Маргарита облачается в трикотажную кофту, черные утягивающие колготы и свободно сидящее платье-балахон, скрывающее недостатки ее располневшей фигуры. Далее — пальто, легкий шарф, миленькие ботиночки. Маргарита красится, причесывает волосы и надевает, сдвинув набок, берет.

— Что, опять на концерт пошла? — в коридоре появляется соседка Маргариты — худая грузинка с сухими, потрескавшимися от ежедневного вымешивания теста ладонями. Она работает в забегаловке около метро, торгующей лавашами и хачапури.

— Не на концерт, а в театр. Там по сцене ходят актеры, исполняют роли. Понимаешь? Игра актера — это исповедальный акт, в котором публика — молчаливый соучастник. Настоящий актер заставляет зрителя страдать вместе с ним, умирать вместе с ним, чтобы родиться заново, но уже другим — очищенным, светлым... Это искусство, а не шоу!

— Да ладно, ладно, я просто спросила!

Соседка еще что-то проворчала по-грузински и убралась обратно в комнату.

Вечер. Мы с Маргаритой движемся по Тверской. Все, что нам могла предложить Тверская — это ларек с пивом и дешевые чизбургеры. И еще порцию самого банального презрения — презрения богатых к бедным. Искры роскоши, рассыпавшиеся по бывшей улице Горького, прожигают чужие воротники, не наши. Запах опаленной алчности отзывается тошнотой в желудке подобно запаху поджаренной шкурки откормленной свиньи. Вот и протест — чья-то свежая блевотина рядом с газетным киоском.

Камергерский переулок заполнялся людьми. Моднo одетая публика до спектакля спешила отужинать в кафе «Чехов». Граждане попроще перекусывают блинчиками в «Теремке». Мы с Маргаритой устроились около чугунных тумб напротив дверей школы-студии МХАТ. Из них в это же время выкатилась шумная студенческая толпа. Молодые люди кричали, смеялись и принимали позы, словно они — большие подвижные куклы. Высокий юноша в шляпе вскочил на тумбу и торжественно обратился к Маргарите:

— Прекрасной барышне привет! Я провожу вас, если смею...

— Прекрасной барышни здесь нет! Домой дойти сама сумею, — включилась в игру Маргарита

— Как хороша! Я б клятву дал, что в жизни лучших не видал! Так добродетельна, скромна и не без колкости она. А взор потупленных очей запечатлен в душе моей. Румяных губ и щечек цвет...

— Не лучше ль предложить билет!

— Какой билет?

— На спекта-а-кль, на малую сце-е-ну, — Маргарита помахала программкой МХТ перед его носом.

— А! Увы, билетов нет.

— И контрамарки?

— Тоже нет.

— Что ж, прощайте, сударь!

Пробиться на первый акт нам не удалось. «Что вы, что вы! В зале аншлаг!» — зашикала на Маргариту администраторша и торопливо пробежала мимо. Еще бы, Салтыкова-Щедрина поставил молодой гений, режиссер-провокактор, перетряхнувший прокишие, отяжелевшие от пота театральные интриганов матрасы репертуарных спектаклей. «Классике требуется скорость, ей нужно захотеть саму себя, завестись, как стриптизерше, и возбудить публику. Если понадобится, я собственноручно буду вкладывать в ее увядшие ноздри кокаин», — читали мы с Маргаритой в еженедельном театральном журнале.

— Будем действовать в предполагаемых обстоятельствах, — изобретательная Маргарита извлекла из своего рюкзака «мхатовский» номерок и пару погашенных билетов. — Когда закончится первый акт, все выйдут курить. Тогда мы проникнем внутрь. Прошу тебя, не делай напряженное лицо!

Я свернула куртку в комок и засунула в сумку. Сумка, конечно, раздулась, а я испугалась быть пойманной. Маргарита же не заморачивалась, просто несла пальто в руке. Она могла «сыграть» так, что никто бы ничего не заметил, даже если бы она тащила за собой холодильник. Поэтому мы без происшествий после второго звонка влились вместе с перекурившими зрителями в небольшой, рядов на десять, зал и заняли места на «галерке», плотно забитой народом. На ступеньках сидели, вдоль стен стояли страстные желающие насладиться премьерой.

В театральном искусстве я не смыслила ничего и полагалась исключительно на мнение Маргариты, а оно было бескомпромиссным и жестким. Маргарита училась на искусствоведа, когда в Киев нагрянул «демиург», «ангел», «мыслитель», «гений» — как только его не называли. В мастерскую к «демиургу» Маргариту притащила подруга. Это не будет преувеличением, если сказать, что Маргарита увидела свет, исходящий от всей фигуры режиссера, почувствовала потоки тепла, набегающие на нее. Он вдруг прервал репетицию, обернулся в ее, Маргаритину, сторону и в абсолютной тишине, взяв за руку, поднял на сцену. «Ты — Маргарита», — раболепно прошептал он и встал на колени. Искусствоведческий факультет был тут же заброшен. Маргарита не вылезала из театральной студии, предаваясь немислимым экспериментам и авангардным техникам, параллельно изучая систему Станиславского и Чехова. Вот только режиссер быстро поднялся с колен, и избранным новичкам пришлось усвоить, что есть, спать, испражняться, совершать соития или не совершать их — все эти привычные для любого индивидуума ситуации, в которых они раньше обходились без стороннего вмешательства, уже больше не часть их крохотной жизни, а события мира мистерии, бесконечного мифа, который, повторяясь, изменяет сам себя, а его герои и не герои вовсе, а соединенные со своими антиподами бестелесные души, оживавшие в пространстве сцены. Иными словами, Маргарита и другие актеры играли спектакли часами, перебиваясь скромным перекусом, иногда просто хлебом с водой, не получали ни гроша, зато таскали из кладовых своих матерей запасенные еще с советских времен ткани, кружева, подвенечные платья, шляпы, фурнитуру, занавески, сооружали из всего этого сумасшедшие костюмы и декорации и плавали в них, как оглушенные рыбы.

«Демиург», если был доволен импровизацией (а именно на этом методе он настаивал), то поднимался за сцену, нежно прикасался к Маргарите, проводя пальцем, как по ободку рюмки, по ее худой талии, скользящим движением пробегал по бедру и просил: «Прислушайся, Гретхен», — и она слышала тихие голоса, умоляющие ее сползти на пыльные подмостки, распластаться в позе самого страшного раскаяния, начать срывать с себя одежду, пока другие участники мистерии по очереди набрасывались

на нее и изображали массовое осеменение. Режиссер же возбужденно рассекал сцену быстрыми, почти жреческими монотонными движениями. Потом актеры замирали над растерзанной Маргаритой и дожидались ее «возрождения», ощущая, как проникает в них «дух». Если же труппа недостаточно потрудилась и «дух» не пришел, не явился, не родился, улетел в другие края, то режиссер останавливал спектакль, усаживал уставших, вымотанных актеров в разбитые кресла киевского дома культуры, дирекция которого зарабатывала тем, что сдавала помещения ярмаркам меховых изделий, и каждого поодиночке разносил в пух и прах, уничтожая последнюю волю к какой-либо иной деятельности, кроме театральной импровизации. Маргарите доставалось вдвойне: режиссер как-то отстраненно, но резкими, сильными движениями проводил в гримерке реальное, а не разыгранное осеменение ее послушного тела. Удивительно, но она ни разу не забеременела. «Значит, не время», — говорил режиссер.

В некоторых случаях компромисс невозможен, и этот случай — театр. Именно так считала Маргарита вслед за своим учителем. Отдать театру жизнь — такую заповедь передал учитель Маргарите. Когда они жили с режиссером в его квартире на Сухаревке, после репетиций просматривали записи спектаклей, засиживаясь до самого утра. Приходившие на эти просмотры друзья неизменно дарили режиссеру подставку для яичка или чайную ложечку. Он их коллекционировал. Каждое утро он съедал сваренное всмятку яйцо, пользуясь разными подставками и ложечками, после чего Маргарита мыла приборы, тщательно протирала их полотенцем и ставила на стеклянную полку. Маргарита обращалась к учителю исключительно на «вы», гладила его черные рубашки (он носил только черные), спала с ним безмолвно совершенно, он не любил ни криков, ни стонов. Маргарита могла напомнить: «Евгений, кассеты с репетициями лежат на тумбе в гостиной», — или позвать его к завтраку: «Евгений, вы будете есть, все готово?», но вот «Женя» — этого Маргарита никогда себе не позволяла. Она любила его, он — театр, который мечтал изменить и удивить старых, бесчувственных муз, занимавшихся все больше продажей индulgенций, чем вдохновения.

Начался второй акт спектакля. Только тонкое чутье заядлого театрала могло уловить какие-то не те движения, не тот ритм. Спектакль ничем ни отличался от любой другой классической постановки в том же МХТ. Разве что по потолку и стенам ползали цифровые надписи и метались цифровые комары. Я скучала, разглядывая актеров. Многих из них я видела только по телевизору. Мне казалось, они добросовестно исполняли свои роли: натурально падали в кресла, трясушимися руками хватались за чайник, бухались в пол, кричали и заламывали руки. Маргарита рядом со мной ерзала, вздыхала, напряженно всматривалась в сцену. Когда мы на спектакле, мы молчим. Это я усвоила хорошо.

Длинное тяжелое действо подходило к концу. Почти все персонажи пьесы умерли. Зрительный зал напоминал похоронный, так скорбны были физиономии людей, купивших по ломовой цене билеты на премьеру. Финальная мизансцена. Главный герой что-то шепчет лампе накаливания, которую таскает в руке, как свечу, потом громко выкрикивает свои последние слова. Он рассержен на Бога за то, что тот заставляет его испытывать чувство вины за умученных родственников. А он ли это, в самом деле-то, а? Актер скуксился, чтобы попротивнее вышла морда, да как плюнет в Господа Бога! Маргарита громко ахнула, но спохватилась и зажала себе рот ладонью. Я заметила, что ладонь дрожала. Между тем актер своего плевок испугался, запричитал и стал выпрашивать у Бога прощение. Всем положено и мне положено должно быть! И тихонечко куда-то уполз. Электронная надпись пробежала по потолку, потом упала на скомканные простыни, разбросанные по сцене, и сообщила: «Метель». Из простыней выползла какая-то юродивая и затянула грустную надрывную народную песню. Погас свет. Зал заполнился аплодисментами.

С первого ряда отделилась мужская фигура. Бросалось в глаза, что фигура немало времени проводит в тренажерном зале. Фигуре поднесли цветы, так что стало понятно — перед нами режиссер. На голове у него сидела вязаная шапочка, которая даже уши не прикрывала, но считалась очень модной. «Бини» называется. Тут только

я обратила внимание, что передо мной сидит целый ряд голов с такими же «бини» на макушках. У девочек и у мальчиков. Они разом вскочили с кресел и стали бешено хлопать и свистеть, обратившись взглядами к режиссеру. Тот раздавал поклоны. «Бини», кроме того что шумели, еще и вертелись во все стороны, призывая публику присоединиться к бурной овации. Один парень уставился на меня выпуклыми, будто голодными глазами. Его обтянутый кожей череп, как у долго питавшегося лишь растительной пищей человека, неприятно склабился, а его бледные руки показывали мне, как нужно хлопать. Вот так — раз-два, раз-два, с силой, чтобы шапочка подпрыгивала.

Маргарита в задумчивости допивала из банки пиво. Мне же эта горькая моча порядком надоела. Скоро метро закроется, а Маргарита меня не отпускает. Пока она не выговорится, лучше побыть рядом, а то начнет колобродить по Москве, ища сочувственное сердце, и нарвется на неприятности. Однажды ее чуть не изнасиловал уличный музыкант. Маргариту спасла только его прогрессирующая импотенция. Когда он стаскивал с нее трусы, Маргарита отчаянно запела песню из «Бумбараша», от чего у музыканта рухнули все планы. Потом они долго дружили.

— Понимаешь, он не отрекался от Бога. Напротив, он к Нему пришел. Покаялся и в смерти брата и маменьки. Так у Салтыкова-Щедрина, поэтому нужно так и ставить! А не плевки устраивать! Это что, режиссерская дерзость, взять и переиначить классику — я так вижу? Уникальный взгляд? Это бездарность, вот что! Бездарность!

Маргарита швырнула пустую банку в темноту, та прогрохотала, как бы повторяя: «Без-дар-ность, дар-ность, дар-ность».

Я соглашалась с Маргаритой, хотя и не понимала, ну что ей с того, плюнул герой или нет, если это всего лишь игра, имитация, дело на пару часов — посидеть в кресле, отключив все средства связи. Жизнь происходит за порогом дверей, пусть даже таких могучих, как двери МХТ.

— А что такое жизнь, разве — не имитация, не обман? Можно купить любовь за деньги, продать за деньги талант. Изображать из себя порядочного гражданина, послушную жену, заботливую мать — это ли не гнусная симуляция? В глубине души же — ненавидеть, высмеивать, отвергать. Театр бесконечно честнее так называемой «реальной жизни».

Я вздохнула. Не мне спорить с Маргаритой.

— Как твои зубы? — спросила я ее.

— Болят. Завтра пройдут.

Несколько дней Маргарита не звонила, не отвечала на мои звонки и сообщения. С раздражением я поехала к ней домой. Возможно, она пропала, тогда мне придется ее искать, потому что больше никому, или впала в депрессию, и я буду убеждать, хвалить, заманивать на новый спектакль. Я чувствовала, что устала. Дверь мне открыла Марика, соседка-грузинка. Увидев меня, она с облегчением выдохнула и округлила без того большие и круглые, всегда чем-то раздраженные глаза: то ли мукой, из которой она месила хачапури, то ли чужими для нее пылью, грязью, смрадом и несправедливостью мегаполиса.

— Наконец-то пришла! Где, вообще, была? Она там помирает! — с сильным акцентом запрочитала Марика.

Я кинулась в Маргаритину комнату и в кровати среди одеял и подушек нащупала тело, какую-то горячую и жирную его часть и похлопала по ней. «Вылезай!» — скомандовала я. Маргарита простонала и выбралась из-под одеяла.

Последнее унижение. Так Маргарита будет называть то, что произошло с ней в эти дни.

Правый глаз Маргариты тонул в огромном отеке, спускавшемся вниз по щеке к подбородку. Верхняя губа раздулась. В щелочке на месте глаза стояла слеза.

— Да у тебя флюс!

- Я хочу умереть, — профыркала Маргарита.
- Надо лишь вылечить зуб.
- Достань мне фенobarбитал, ты же медик.
- Пойду куплю в аптеке.
- И пиво. Балтику «девятку».

«Восхитительный рецепт!» — думала я про себя, вытрясая мелочь в аптеке и покупая полоску отечественного анальгина. В минимаркете я взяла две бутылки «девятки» и принесла их умирающей.

- Сколько выпить?
- Выпей для начала бутылку.
- Нет, таблеток сколько, чтобы умереть?
- Две. Чтобы наверняка — три.

Я выдавила из пластинки три белые таблетки и бросила их в стакан. Туда же налила пиво, которое зашипело, как змея перед укусом. Маргарита стала пить. Раздувшиеся губы мешали ей красиво уйти из жизни. Пиво стекало по подбородку, таблетки, горькие, словно хина, с трудом поместились во рту, но были проглочены и запиты. Опустошив бутылку и пригубив вторую, актриса откинулась на подушку, разбросав волосы, и попросила нас с Марикой очистить помещение. Бледная Марика тряслась от страха. Она хотела, но боялась вызвать скорую: ее грузинский паспорт где-то потерялся.

- Успокойся, Марика. От анальгина еще никто не умирал.

Через пару часов Маргарита вышла из комнаты. «Покойница», видимо, чувствовала себя лучше, она опустилась на табурет у кухонного стола и закурила, воткнув тонкую сигарету в самый уголок рта.

— Мне снился Мольер, — будто из глубины того самого сна произнесла актриса. — Мы шли по темному средневековому Парижу, и я неожиданно упала в Сену. Меня кружило, но я услышала его крик, его послание: «Маргарита, ты не должна уходить. Воды Сены мутные только зимой. Зима проходит».

До меня вдруг дошло, что пора заканчивать. Я поглядела на Марику. Поняла она что-нибудь, кроме Парижа? Ее лицо, доброе от природы, могло выражать только сильное беспокойство или усталость. Сейчас Марика светилась. Господь не долго думал, пристраивая это горе луковое — актрису с разбитым сердцем к простодушной Марике. Пусть пока так поживут. А я больше не могу, сдаюсь.

— Маргарита, встречаемся завтра на Фрунзенской. В восемь утра. Даже не думай проспать! Иначе, когда будут хоронить, никаких гримеров не хватит, чтобы привести тебя в пригодный для встречи с Мольером вид.

Актриса молча опустила голову.

В самом дальнем углу парка на лавочке сидела Маргарита и вспоминала, всхлипывая, как ей без укола вскрывали нарыв на десне. Как брызнула кровь с гноем на пеленку, брошенную на грудь. Почему ей не дали умереть? «Зато бесплатно, зато бесплатно», — повторяла Маргарита, когда я приземлилась рядом с ней и поставила между нами стаканчики.

- Это тебе для дезинфекции!

«А себе — для храбрости», — подумала я. Моя подруга-практикантка со стоматологического факультета шепнула перед выходом, что передние зубы придется удалить, что, видимо, инфицирована челюсть. Нужно было подготовить Маргариту.

Я затосковала. Красивые актрисы с ровными белыми зубами, искусственная белизна которых различима даже с восьмого ряда партера, почему Маргарита не в их числе? Она же талантлива. Да, ее дарование хаотичное, грубое, но если бы за нее взялась академическая школа, вышел бы толк. Юная Гретхен, кто сторговал тебя неугомонному Фаусту? Кто ответит за гибель твою и за гибель твоих детей, которых ты никогда не родишь, за все спектакли, в которых никогда не сыграешь? Не то время, чтобы было кому огласить: «Спасена!», каждый сам себя спасает, милая Гретхен.

— А ведь знаешь, когда Евгений бросил нашу киевскую лабораторию, — тихим, слипшимся после выпитой водки голосом сказала Маргарита, — все пошло наперекосяк. Коля с Лизой сторчались. После того как Лиза сделала аборт, в ее ролях уже не было вдохновения. Она ушла первой, за ней Коля. Он нежно ее любил и он же подсадил ее на героин. Саша, тонкий, изящный, он играл Вагнера в «Фаусте» и Треплева в «Чайке», покончил с собой. Какая ирония. Евгений предчувствовал. Он говорил: «Треплева не занимайте, его будет играть Саша. Я знаю, что он как никто создан для этой роли». Евгений видел все. Он убеждал меня не ехать в Москву, твердил, что бешеная Москва исковеркает мою наивную манеру игры, мое светлое чувство. Я не верила ему. Я кричала: «В Москву! В Москву!» Теперь я здесь, на лавочке, Саша на небесах, Лиза в сумасшедшем доме.

Я залпом выпила свои полстаканчика. Никогда я не произносила монологов, а находиться на сцене для меня было сущим мучением. Что ж они так рвались туда, где в графинах вместо вина компот, а любовь — негниющий пластмассовый фрукт, который так правдиво, так натурально надкусывает актриса целый сезон, начиная с шумной премьеры. Маргарита с Евгением хотели вывернуть театр наизнанку, чтобы жизнь зачиналась внутри спектакля и распространялась вокруг, влияя на действительность. Однако все их големы не доползали даже до гардероба, умирали по пути, прихватив с собой пару-тройку актеров, которые кормили их молоком своей жизни в бессмысленной попытке продлить мучения их общего детища, чтобы то переползло порог и увидело солнечный свет, и волосы на его лысом черепе стали бы отрастать. Как они радовались, когда их гомункул хотя бы чуть-чуть походил на человека. Но как это возможно, чтобы человек оставался человеком, когда поднимался на сцену? Чтобы разбрызгивал жизнь, а не имитировал, чтобы ломал, менял и создавал? Евгений решал эту дилемму в Москве, в Киеве, в Туле, в Париже, в Израиле, но везде терпел крах, за ним тянулись трупы. Ему говорили его удачливые коллеги: «Хочешь жизни, введи ее на сцену в том виде, какая она есть, не придумывай». Они знали, о чем пели: в их ультрасовременных спектаклях мужчина таскал женщину за волосы, рыбе выдирали жабры, голый член прыгал по тощей девичьей груди и кончал на нее, окровавленный ребенок пучил глаза, задыхаясь в полиэтилене, могучий полицейский избивал старуху. Евгений готов был идти по очевидному пути. Заработать немного премий, немного денег. Он легко оставил тех, кто был ему предан. Оставил и Маргариту.

— Всех нас поимел, понимаешь? Поимел и выкинул! — скулила уже совсем пьяная Маргарита.

С трудом я довезла ее до дому. Она то порывалась убежать, то пела в вагонах метро, приставая к пассажирам. «Отсадите от нас эту бомжиху», — выговорил мне интеллигентный мужичок с усиками и портфелем, которым прикрывал свою спутницу в шубке от моей «бомжихи». На его замечание, а точнее, оскорбление Маргарита ответила, перекрикивая шум подземки, что «она — актриса и вживается в роль, и это будет ее лучшая роль, вот увидите!»

Маргарита отключилась, как только коснулась подушки. Я укрыла ее одеялом и погладила по голове. Где-то далеко у актрисы была мама. Почему она не приедет проведать дочь, не уговорит, не уломает вернуться обратно? Почему продолжает слать сало и макароны, она что — продуктовый магазин, а не мама? Или Маргарита — больше не ее ребенок? Возможно, так и было.

Я нашла чистый листок и написала на нем: «Маргарита! Тебе нужно вылечить зубы, иначе ты их потеряешь. Умоляю тебя, не трать деньги на спектакли, сходи к врачу! Всё, что я могла сделать для тебя, я сделала. Прощай!»

Я вложила листок в «Парадокс об актере», который лежал на прикроватном столике. Маргарита всегда начинала день с чтения Дидро. На обратной, чистой стороне листа я крупными буквами написала: «ЗАВТРА 15 ЧИСЛО».